

З. В. УДАЛЬЦОВА

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИСТОРИК КРИТОВУЛ О ЮЖНЫХ СЛАВЯНАХ И ДРУГИХ НАРОДАХ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В XV ВЕКЕ

Труд византийского историка XV в. Критовула „История Мехмета II“ принадлежит к числу малоизученных памятников византийской историографии. Рукопись „Истории Мехмета II“ была найдена в 1859 г. в Серальской библиотеке и представляет собой уникальный греческий кодекс последней трети XV в.¹ До наших дней еще не обнаружено никакой другой рукописи произведения Критовула.

„История Мехмета II“ была впервые издана в 1870 г. французским эллинистом Карлом Мюллером в V томе „Fragmenta Historicorum Graecorum“ и переиздана в 1883 г. с некоторыми исправлениями.² Открытая около ста лет назад, она до сего времени не переведена на русский и почти ни на один европейский язык.³ В буржуазной историографии, особенно западноевропейской, произведению Критовула уделялось мало внимания, что объясняется его туркофильской окраской, а также неприязненным отношением автора к Западу.

Произведение Критовула, в центре которого стоит фигура турецкого султана Мехмета II, прежде всего привлекало внимание турецких ученых, которые, однако, не пошли дальше перевода его на турецкий язык, не могли дать его исчерпывающего исследования. Среди ученых других стран интерес к Критовулу ограничился узким кругом исследователей.

В трудах этих ученых прямо отразились политические, националистические и конфессиональные взгляды, определяющие их отношение к Критовулу и их оценку его „Истории Мехмета II“ (Убичини,⁴ Радоич,⁵ Погодин,⁶ Nisbet-Bain,⁷ Дарко⁸ и др.).

¹ См. сообщение об открытии рукописи Тишендорфа в приложении к „Allgemeine Zeitung“, 1872, № 181, стр. 2779. Описание кодекса дано в работах: Deissman. Forschungen und Funde im Serai. Berlin, 1933; C. Müller. Fragmenta Historicorum Graecorum, v. V, Parisii, 1883.

² C. Müller. Fragmenta Historicorum Graecorum. Parisii, 1870 и 1883.

³ Существует лишь венгерский перевод К. Strábo в „Monumenta Hungariae Historica, Scriptores“, t. XXII, Budapest, 1875 и турецкий перевод Р. Karolides в приложении к „Zeitschrift des Institutes für Osmanische Geschichte“. Jahrg. I—III (1910—1912). Konstantinopolis-Istambul, 1912.

⁴ M. Ubicini. Chronique du règne de Mahomet II, par Critovule d'Imbros, Paris, 1871.

⁵ J. Radonić. Критовул византиски историк XV века. „Глас Српске краљевске академије“, т. CXXXVIII, други разред, 73, Београд, 1930.

⁶ П. Погодин. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 г. ЖМНП, ч. CCLXIV, 1889, стр. 212—218.

⁷ R. Nisbet-Bain. The siege of Belgrade by Muhammed II. „The English Historical Review“, v. VII, London, 1892.

⁸ E. Darkó. Die letzten Geschichtschreiber von Byzanz. „Ungarische Rundschau für Historische und sozial Wissenschaften“. 2 Jahrg., 11 H., 1913, April.

Буржуазная историография интересовалась почти исключительно личностью самого автора „Истории Мехмета II“, занималась психологическим анализом причин, приведших Критовула в стан турок. Буржуазные историки, наметив решение отдельных частных вопросов, касающихся жизни и творчества автора „Истории Мехмета II“, не дали исчерпывающего анализа его произведения, не вскрыли социальных и политических причин, определивших мировоззрение Критовула. В буржуазной историографии даже не был поставлен вопрос о социальных корнях творчества Критовула как представителя особого политико-идеологического течения в Византии XV в.

Буржуазных историков отнюдь не интересовала классовая и политическая направленность труда Критовула, социальная база туркофильского течения в Византии. Историка-марксиста в труде Критовула интересуют прежде всего социально-экономические причины, определившие политические взгляды и мировоззрения автора „Истории Мехмета II“, классовая и политическая направленность его труда.

* * *

„История Мехмета II“ Критовула представляет собой довольно крупное произведение, состоящее из пяти книг и охватывающее 17 первых лет правления турецкого султана Мехмета II (1450—1467). К труду Критовула приложено посвященное письмо автора султану.¹

В отличие от других современных византийских историков (Халкокондила, Дуки, Франдзи), предпосылающих своим трудам длинное вступление, дающее историю предшествующего времени, Критовул описывает лишь современные ему события.² Однако, как сообщает сам автор, он не был очевидцем всех описанных в его труде событий.³

„История Мехмета II“ содержит обширный материал, дающий возможность определить политические взгляды ее автора и, в частности, его отношение к основному вопросу современной ему действительности — к вопросу турецкого завоевания Византии. С первых же строк письма Критовула турецкому султану, открывающего труд Критовула, и до конца его исторического произведения красной нитью проходит туркофильская тенденция, показывающая политическую ориентацию автора.

Протурецкая тенденция сказывается прежде всего в общем характере, в общем тоне и направленности труда Критовула.

В отличие от других византийских писателей XV в., особенно от патриотически настроенного Франдзи и даже от лагинофила, но все же патриота Дуки, в центре труда Критовула стоит не гибнущая византийская держава, а новое могущественное турецкое государство. Само произведение Критовула является историей правления турецкого

¹ К р и т о в у л, цит. соч. *Επιστολή*, § 4, стр. 53.

² Так, например, если Халкокондил в своем произведении „*Ἱστοριῶν*“, состоящем из 10 книг, описал историю возникновения и развития турецкого государства с 1298 по 1463 г., то Критовул ограничился лишь освещением истории 17 лет правления Мехмета II.

³ Доказательством того, что Критовул многое действительно писал по рассказам очевидцев, служит то, что у него часто встречаются выражения „*ὡς ἐλήγето*“, „*φασὶ γὰρ*“ — „говорят“, „рассказывают“. Иногда о некоторых событиях он приводит несколько версий, не высказывая своего мнения (К р и т о в у л, цит. соч., кн. III, гл. XIX, 85, стр. 132).

султана Мехмета II.¹ Мехмет II — главный герой произведения, подвиги которого воспеваются автором, — центр всего повествования.

Общий тон труда явно панегирический. Автор всячески стремится прославить своего героя и выставить в лучшем свете все его поступки. Достигает он этого путем или прямого восхваления султана, или умолчания о его преступлениях, поражениях и неудачах. В этом отношении труд Кривовула резко отличается от труда Франдзи, Дуки и других современных византийских историков, настроенных чрезвычайно враждебно к султану, „разрушителю и губителю государства ромеев“.

Сведения о жизни Кривовула скудны и фрагментарны. Современным ему источники не сохранили почти никаких следов о жизни и деятельности автора „Истории Мехмета II“ за исключением случайных и малодостоверных упоминаний его имени. Основным и почти единственным источником о жизни и деятельности Кривовула остается его собственный труд.

Михаил Гермодор Кривовул был грек с острова Имброс. Время рождения Кривовула точно неизвестно, однако можно предположить, что он родился на рубеже XV в., так как к моменту падения Константинополя, когда он впервые выступает на исторической арене, он был уже человеком зрелым, умудренным опытом политической и партийной борьбы. Кривовул происходил из знатной семьи и принадлежал к числу „первых граждан“ острова Имброса (τὰ πρῶτα τῶν Ἰμβριωτῶν). Большая часть жизни Кривовула прошла на родном острове, где он играл видную политическую роль. Он являлся представителем туркофильского течения в Византии, одним из крупных деятелей туркофильской партии на островах Эгейского моря.

Кривовул вел активную политическую борьбу в пользу турок и получил от султана Мехмета II в награду за это пост наместника острова Имброса. На склоне лет, отойдя от политической деятельности, Кривовул создал историческое произведение, посвященное описанию правления Мехмета II и завоеванию турками Византии.

„История Мехмета II“ — произведение крайне тенденциозное. Общий туркофильский тон и направленность его являются ярким отражением политических взглядов автора, выразителя интересов определенных социальных групп византийского общества, прежде всего феодальной знати островов Эгейского моря, имевшей тесные связи с торговыми кругами Византии.²

Из „Истории Мехмета II“ мы ясно видим, что византийскую патрицианскую знать, в частности династов островов Эгейского моря, Пелопоннеса и других областей Византии, толкала на сближение с турками острая борьба с итальянскими феодалами за власть, за политическое преобладание. Так, например, сам Кривовул при поддержке местной знати боролся на Имбросе за власть с владетельным феодалом генуэзцем Дорио Гаттелузи, динаты Лемноса, Лесбоса, Имброса, г. Эны и другие также вели борьбу за власть с итальянскими феодалами и т. п.

В своей борьбе с исконным и опасным врагом — итальянцами — византийская знать стремилась опереться на помощь турок, особенно после падения Константинополя. Часть знати, связанная с торговлей,

¹ Мы даем греческую транскрипцию имени султана, употребляемую Кривовулом.

² Анализу политических взглядов Кривовула и социальной базы туркофильского течения в Византии посвящена другая работа автора данной статьи.

выступала наиболее активно в этой борьбе против итальянцев из-за торговой конкуренции с итальянскими купцами.

Немалую роль в предательской туркофильской политике византийской знати сыграли и своекорыстные личные мотивы. Так, видя, что военное счастье перешло окончательно на сторону турок, часть византийских феодалов, вместо защиты своего отечества, стремилась завоевать расположение новых властителей, получить за свое ренегатство богатые награды в виде земель, подарков, высоких должностей на службе у турецкого султана. Корыстные мотивы во многом обусловили поведение и самого Критовула, и его ренегатство, как мы видим, было вознаграждено турками.

Но основной причиной туркофильской ориентации части феодальной знати Византии был страх перед народными движениями, острой классовой борьбой, развернувшейся в Византии в последний период ее существования.

Массовые народные движения, подобные восстанию зилотов, охватившему в XIV в. значительную часть балканских владений империи, народные движения в Пелопоннесе, ожесточенные классовые и партийные столкновения в самом Константинополе, постоянная угроза нового взрыва — толкали часть феодальной знати Византии в объятия турок. Жажда крепкой власти, способной защитить их владения от народного гнева, понимание того, что слабое византийское правительство уже не способно быть их защитой и опорой, приводили к тому, что византийские феодалы все чаще обращали свои взоры к внешним силам: одни — на Запад, ища помощи и поддержки у западноевропейских государств; другие — на Восток, возлагая надежды на установление „порядка“ в империи под эгидой турецкого султана. К числу последних принадлежал и автор „Истории Мехмета II“.

Политика туркофилов встречала поддержку у части византийского купечества, в частности у греческих торговцев таких крупных торговых центров, как г. Эна, острова Эгейского моря (Имброс, Лемнос, Фесос, Лесбос и др.), города Пелопоннесского полуострова и др.

Для части торговых кругов решающую роль в их переходе на сторону туркофилов сыграли следующие причины: давнишняя торговая конкуренция с итальянцами и слабость византийского правительства, которое не было в состоянии охранять греческую торговлю, особенно морскую, от конкуренции иностранных, в первую очередь итальянских купцов.

Однако туркофилы жестоко просчитались, и если турецкое правительство сперва стремилось привлечь на свою сторону население завоеванных областей, то уже вскоре после завоевания Византии политика турок по отношению к покоренному населению резко меняется, и греки очень скоро почувствовали всю тяжесть иноземного ига. Просчитались и византийские феодалы, делавшие ставку на турок: вскоре начались массовые конфискации земель феодалов и монастырей и передача их туркам, лишение христиан права занимать гражданские и военные должности и т. п. Лишь немногие ренегаты, перешедшие в мусульманство, пользовались милостями Порты.

Турецкое государство складывалось как военно-феодалное и грабительское государство; хотя оно разрешало покоренным народам заниматься торговлей и ремеслом, положение торгово-ремесленных слоев Византии при турках было весьма незавидным. Маркс в „Хронологических выписках“ говорит, что „султаны османов“ после завоевания Византийского государства „получили с той поры флот и упо-

требляли своих греческих рабов для всех функций, требующих высшего технического и умственного образования".¹

Особенно же резко ухудшилось при террористическом турецком режиме положение народных масс Византии.

Весьма симптоматично, что труд самого Кривовула — панегириста и историографа турецкого султана — не нашел признания у новых властителей и затерялся во мраке Серальской библиотеки, как бы знаменуя бесславное фиаско туркофильского течения в Византии.

Несмотря на ярко выраженную политическую тенденцию, наложившую отпечаток на все произведение Кривовула, „История Мехмета II“ — ценный исторический источник, занимающий видное место среди трудов других поздневизантийских историков. Обилие и разнообразие фактического материала, ценные сведения по социально-экономической, политической и культурной истории Византии и соседних с ней государств в XV в., особенно важные данные о византийском ремесле, торговле и городской жизни этого периода — делают знакомство с трудом Кривовула необходимым при изучении последних страниц истории Византии. Вместе с тем сама политическая тенденция труда Кривовула представляет интерес для исследователей как свидетельство наличия туркофильского течения в Византии XV в. Произведение Кривовула дает важнейший материал для определения социальной базы туркофильского течения и помогает выяснить причины, его породившие. „История Мехмета II“ позволяет определить социальные силы, стоявшие за спиной борющихся партий, разглядеть в столкновении партий и их вождей ожесточенные классовые бои, развернувшиеся в Византии в период ее крушения.

Труд Кривовула привлекает особое внимание как важный источник по истории южных славян и других народов Балканского полуострова в XV в. Он содержит весьма ценный материал по истории Сербии, Боснийского королевства, Валахии и Албании в XV в.

Буржуазные ученые, особенно западноевропейские, почти полностью игнорировали данные Кривовула по истории южных славян в XV в. Если принять во внимание, что, по данным Кривовула, южнославянские государства выступают как государства с высоким уровнем социально-экономического развития, то политический смысл подобного замалчивания буржуазной историографией сведений „Истории Мехмета II“ о южных славянах делается вполне ясным.

Это — стремление умалить уровень социально-экономического развития южнославянских народов, скрыть данные, опровергающие распространенную в буржуазной литературе теорию о слабом развитии экономики южнославянских государств в XV в. Славянская историография (И. Радониц,² П. Погодин³ и др.) несколько восполняет этот пробел, уделяя внимание данным Кривовула о южных славянах, и выгодно отличается в этом отношении от западноевропейской.

Сведения о южных славянах, содержащиеся в труде Кривовула, довольно обширны и разнообразны, однако не все они имеют одинаковую ценность. Весьма подробно и обстоятельно освещает Кривовул положение дел в Сербском деспотате в 50—60-х годах XV в., сообщая интересные данные по внутренней и внешней истории Сербии (кн. II и III). Много места уделено в труде Кривовула походам Мехмета II

¹ „Архив К. Маркса и Ф. Энгельса“, т. VI, стр. 207.

² И. Радониц, цит. соч.

³ П. Погодин, цит. соч.

в Албанию, и лишь в общих очертах описана экспедиция султана в Валахию в 1462 г.

Общая туркофильская тенденция всего труда Критовула проявляется достаточно ярко и в разделах, посвященных истории южных славян. В центре повествования стоит фигура султана-завоевателя; о южнославянских и других государствах Балканского полуострова говорится только в связи с походами Мехмета II. Автор всячески стремится прославить султана, для чего старается преуменьшить поражение Мехмета II под Белградом в 1456 г., во время осады крепости Яйце в Боснии, затушевать неудачи султана во время осады крепости Кройи и в Албании, умаляет или скрывает победы Скандербега, Гуниада и т. д.

Вместе с тем, чтобы придать победам великого „царя царей“ еще больший блеск, Критовул подчеркивает трудности, с которыми встречался на своем пути Мехмет II. Он хочет показать, что Мехмет II имел достойных противников, а страны, покоренные им, были сильны и богаты. В связи с этим он довольно подробно описывает внутреннее положение южнославянских и других государств Балканского полуострова, сохранив, таким образом, весьма ценные сведения, которые превосходят по точности и полноте данные других византийских источников (Дука,¹ Франдзи,² Халкокондил³).

Сербия

Прежде всего „История Мехмета II“ содержит характеристику экономики Сербии в XV в., характеристику, с которой по обстоятельности сведений не может сравниться, пожалуй, ни один из современных византийских источников.

Во второй книге своего труда, рассказывая о походе султана в Сербию в 1455 г., Критовул дает довольно обширный экскурс, в котором описывается географическое местоположение, природа и богатства Сербии. Он пишет:

„Страна трибаллов (так, следуя античной традиции, называет Критовул сербов. — Э. У.) расположена в удобной местности Верхней Фракии и, начинаясь от верхнего Мисия и Аймонских гор, простирается до Истра и граничит по нему с державой даков и паннонцев“⁴ (даки — валахи; паннонцы — венгры).

Далее Критовул дает описание р. Истр, очень близкое к описанию Геродота,⁵ из которого, повидимому, автор заимствовал это место, и поэтому не представляющее особого интереса.⁶ Указав, что Истр, „величайшая река в Европе“, протекает по стране даков, паннонцев и других народов, автор продолжает, что соседями их являются трибаллы, „имеющие много и прекрасных городов во внутренней части страны и неприступные крепости по высокому берегу реки“ („...ἡ Τριβαλλῶν παραχειμένη τε τοῦτοις μέγχι πολλοῦ καὶ πόλεις ἕχουσα πολλάς καὶ

¹ Ducas Michaelis. Historia Byzantina, rec. S. Bekker, Bonnae, 1834.

² Georgius Phrantzes, rec. S. Bekker, 1838.

³ Laonici Chalcocondylae historiarum demonstrationes, rec. E. Daskó — I—II, Budapestini, 1922—1927. Мы цитируем по изданию Migne. Patr. Gr. v. 159, 1866.

⁴ Критовул, цит. соч., кн. II, гл. VII, стр. 109.

⁵ Herod. IV, 48.

⁶ Критовул, цит. соч., кн. II, гл. VII, § 1.

καλάς ἐν τῇ μεσογείῳ καὶ φρούρια ἐρυμνά περὶ πρὸς τὰς ὄχθας τοῦ ποταμοῦ“).¹

„Вследствие этого царь счел весьма необходимым покорить эту страну и захватить крепости на высоком берегу реки (Истра. — Э. У.), чтобы стать господином переправы через нее“. „И не одно это, но и достоинства страны нисколько не меньше побуждали его (к походу), — страны удивительной и изобиловавшей всеми благами“.²

„Ведь земля там богата и плодородна и доставляет все в изобилии, что приносят времена года посевов и жатвы. На ней пасутся большие стада коз, овец, свиней, быков и прекрасных коней в немалом количестве и многих других годных в пищу полезных домашних животных, а также разного рода диких зверей щедро питает эта земля. Но самое главное, чем значительно превзошла эта страна все другие страны, это то, что она производит золото и серебро как бы прямо из источников, и повсюду там добываются крупинки золота и серебра в большом количестве и лучшего качества, чем в Индии“ („ἡ τε γὰρ γῆ πάμφορος τέ ἐστιν αὐτῇ ἐρρωμένη πρὸς ἀπάσας γονὰς καὶ πάντα μετὰ δαφιλείας παρεχομένη ὅσα φέρουσιν ὦραι σπερμάτων τε καὶ φυτῶν, ἀλλὰ δὴ καὶ ἕσα νέμονται γῆν, αἰπόλια τε φημι καὶ ποιμνία καὶ σφόδριβι καὶ βουκόλια καὶ ἵππων ἀγαθῶν οὐκ ὀλίγην φορὰν καὶ πολλῶν ἄλλων ἐδωδιμῶν τε καὶ χρησίμων Σώων ἡμέρων τε καὶ ἀγρίων γένη διάφορα ἅπαντα τρέφει μετὰ πολλῆς περιουσίας. τὸ δὲ μέγιστον καὶ ὃ πάσας τὰς ἄλλας νικᾷ μετ’ ὑπερβολῆς, ὅτι χρυσὸν καὶ ἄργυρον ὡσπερ ἀπὸ πηγῶν ἀναδίδωσι, καὶ πανταχοῦ ταύτης ὀρύσσονται ψήγματα παρέχει χρυσοῦ καὶ ἀργύρου πλεῖστα καὶ κάλλιστα καὶ κρείσσον τῆς Ἰνδικῆς“).³

„Вследствие этого уже с давних пор держава трибаллов была цветущей и гордилась своим богатством и могуществом“ („δι’ αὐτῆς δὴ καὶ τὸ ἐξ ἀρχῆς ἡ τῶν τριβαλλῶν ἀρχὴ εὐδαίμων τε ἦν καὶ ἐπὶ πλούτῳ καὶ δυναστείᾳ μέγα ἐφρόνει“).⁴

Затем автор уже в третий раз повторяет, что страна эта имела „много и больших городов“ („καὶ πόλεις εἶχε πολλὰς καὶ μεγάλας“), действительно цветущих („ἄλλα δὴ καὶ εὐδαίμονας“), и укрепленные и недоступные крепости („καὶ φρούρια ἐρυμνά καὶ δυσάλωτα“).⁵

Далее Критовул говорит о военном могуществе Сербии, о том, что она имела много войск и большое количество прекрасного оружия, и население ее было доблестно, и особенно славилась она храброй и мужественной молодежью. „И была она для всех удивительной и знаменитой, но и вызывала ненависть и имела много не только одних приверженцев, но и врагов“.⁶

Такова общая характеристика, которую дает Критовул сербскому государству. Прежде всего бросается в глаза, что Сербия в изображении Критовула — страна богатая и цветущая. По его словам, она уже являлась страной не только земледелия и скотоводства, но и страной с развитой городской жизнью; в ней было много больших и цветущих городов, она славилась богатыми горными промыслами по добыче золота и серебра. Несколько далее автор вновь упоминает о добыче в Сербии драгоценных металлов и указывает на географическое

¹ Там же, кн. II, гл. VII, § 82, стр. 109.

² Там же („... οὐ μόνον δὲ, ἀλλὰ καὶ ἡ τῆς χώρας ἀρετὴ οὐδὲν ἧττον ἐπήγγεν αὐτὸν θαυμαστή οὕσα καὶ πᾶσιν ἐνθῆνούμενη τοῖς ἀγαθοῖς“).

³ Там же, § 2—3, стр. 159.

⁴ Там же, § 4.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

расположение золотых и серебряных рудников. Он сообщает, что во время своего вторжения в Сербию в 1455 г. Мехмет II подошел к укрепленному и цветущему городу, называвшемуся на языке трибаллов Новоброд, где добывалось из земли много серебра и золота¹ („... ἄφικνεῖται ἐς πόλιν ἐχυράν καὶ εὐδαίμονα Νοβοπρόδον οὕτω καλουμένην τῇ Τριβαλλῶν φωνῇ, οὐ δὴ καὶ πλεῖστος ἄργυρος καὶ χρυσὸς γεωργεῖται ἀνορυττόμενος...“).²

Сообщения Кривовула подтверждаются другими источниками XV в. О добыче серебра и золота в Сербии упоминают византийские писатели Халкокондил³ и Дука,⁴ но они говорят об этом лишь вскользь. И тот и другой указывают город Новобродо как место, где производилась добыча этих ценных металлов. Однако они не дают такой яркой общей картины экономики Сербии в XV в., как это делает наш автор. С приведенной характеристикой Сербии, данной Кривовулом, вполне совпадает также описание этой страны, которое мы находим в письме венгерского короля Владислава к папе Каликсту III от 21 июля 1455 г. Он пишет: „Сербия имеет плодородную почву, изобилует плодами и чрезвычайно богата копами золота и серебра“.⁵

На это же указывает и итальянский писатель гуманист Бонфиний, который пишет: „Мехмет, сначала вторгнувшись в Верхнюю Мизию, задумал захватить серебряные рудники, которые принадлежали деспотам Сербии, и, действительно, осадил и захватил город по имени montem (Новоброд), очень богатый серебром и металлами“.⁶

Это же подтверждает Maurus Orbinus, который сообщает: „Monte nero ove il Turco hà ricchissime munere d'oro e d'argento“ („Новая гора, где Турок имеет богатейшие копи золота и серебра“).⁷ Для характеристики экономического положения Сербии в XV в. можно привлечь и данные византийского писателя Дуки, который пишет: „Сербия вносила ежегодную дань туркам в размере 12 тыс. золотых номисм, в то время как деспоты Пелопоннеса платили только 10 тыс. номисм, остров Хиос — 6 тыс. номисм, а Митилена — всего 3 тыс., а царь Трапезунта от 2 до 3 тыс. золотых номисм в год“.⁸ Сведения Дуки могут служить косвенным доказательством того, что Сербия в этот период считалась и действительно была страной более богатой и значительной, чем Пелопоннес, последний очаг греческой „национальности“ и культуры, или острова Эгейского моря и даже такое богатое государство, как Трапезунтская империя.

Это совпадение сведений Кривовула с данными других источников подтверждает их несомненную достоверность. Однако следует иметь в виду, что, как мы уже указывали, Кривовул, желая подчеркнуть важность и значение завоеваний Мехмета II и особую ценность вновь приобретаемой области, возможно, несколько сгустил краски, в известной мере преувеличил степень экономического развития и богатства

¹ Кривовул, цит. соч., кн. II, гл. VIII, § 4, стр. 110.

² Транскрипция названия города Новобродо у византийских и других авторов различна. Халкокондил называет его Νοβοπρόδον на стр. 414, § 13. Дука говорит о нем как о Νοβοπρόδον (стр. 209, 15). Турецкий писатель Сеад-эд-дин называет Novobardo и т. д.

³ Цит. соч., стр. 415, 8.

⁴ Цит. соч., стр. 17. Сведения эти использованы в работе S. Hammer. Geschichte des osmanischen Reiches, t. II, S. 13.

⁵ Приведено у St. Katona. Historia critica regum Hungariae, v. XIII, p. 1011.

⁶ Bonfinius, III, 8. Цит. по Bullialdi ad Ducae Historiam notae, p. 541.

⁷ Ibid.

⁸ Ducas. Hist. Byz., стр. 313 и 314.

Сербии. Тем не менее по полноте данных труд Критовула в ряду других источников является важным свидетельством об экономике Сербии XV в.

Некоторые заслуживающие внимания сведения имеются в труде Критовула и по политической истории Сербии. Автор довольно подробно останавливается как на внутривосточном положении Сербии, так и на международной обстановке того времени. В первой книге своего сочинения Критовул впервые упоминает сербов, сообщая, что после падения Константинополя султан, наряду с послами из Пелопоннеса, Митилены, Хиоса, принял сербских и албанских послов,¹ прибывших изъявить покорность султану и поздравить его с победой. Мехмет II принял их милостиво и заключил с ними соглашение, по которому они должны были платить ему установленную дань.²

Значительная часть второй книги „Истории Мехмета II“ Критовула посвящена походу султана в Сербию в 1455 г. Следует подчеркнуть, однако, что автор в угоду общей туркофильской тенденции ничего не говорит о походе Мехмета II в Сербию в 1454 г., поскольку этот поход принес султану ряд серьезных неудач. Как сообщает Дука, султан в 1454 г. потребовал от сербского деспота Георгия³ передачи его государства туркам и, когда тот отказался, двинулся против него походом. Сперва экспедиция была успешной, деспот Георгий бежал в Венгрию, и Мехмет II дошел до Смедерева и осадил его. Но в это время пришли известия о том, что венгерский полководец Гуниад⁴ с большой армией перешел Дунай и спешит на помощь осажденным. Султан принужден был снять осаду Смедерева и уйти в Софию, оставив у Крушевца своего пашу Фериз-бега с 30-тысячной армией. 10 октября 1454 г. турецкая армия Фериз-бега потерпела страшное поражение у Крушевца от объединенных сил венгров и сербов. Гуниад опустошил окрестности Ниша и Пирота и сжег Видин, как он сам сообщает императору Фридриху III в своем письме из Белграда в конце 1454 г.⁵ Критовул, повидимому, совершенно сознательно умалчивает о всех этих событиях, а также не упоминает о победе сербского отряда Николы Скобалича над турками у Глубочицы, близ Лесковца.

Свое повествование Критовул начинает непосредственно с причин похода Мехмета II в Сербию в 1455 г.⁶

Он указывает, что Мехмет II был уведомлен о готовящемся в Сербии восстании против его власти и что правитель (ἡγεμόνα) трибаллов склонен к отпадению от турецкой державы. Кроме того, „гегемон трибаллов“ тайно ведет переговоры с королем венгров и заключает с ним договор о совместных действиях против турок. Наконец, деспот Сербии под разными неблагоприятными предлогами задерживает доставку ежегодной дани, что вызвало особенно сильный гнев Мехмета II.

¹ Критовул, цит. соч., кн. I, гл. XXIV, § 1, стр. 102.

² Дука сообщает нам размер этой дани. Он пишет: „Ἀπελοίσαστο οὖν πρῶτον τῷ πρῶτῳ Σερβίῳ τοῦ δίδοντι κατ'ἔτος τῇ ἡγεμονίᾳ τῶν Τούρκων νομισμάτα χιλιάδας δώδεκα“, стр. 313, 21; т. е. ежегодная дань = 12 тыс. номисм (золотом).

³ Юрия-Георгия Бранковича (1427—1456).

⁴ Ян Гуниад — по происхождению валах.

⁵ Катона, op. cit., v. XIII, p. 963—967.

⁶ Критовул, цит. соч., кн. II, гл. 6, стр. 109. О походе Мехмета II в Сербию в 1455 г. немного говорит Халкокондил (цит. соч., стр. 414); подробнее пишет Сеад-эд-Дин (цит. соч., т. II, стр. 170—173).

В данном случае, следуя своей общей тенденции и желая подчеркнуть, что виновником войны был деспот Георгий Бранкович, вынудивший Мехмета II предпринять поход в Сербию, Критовул искажает факты. В то время как он утверждает, что правитель Сербии уклонился от уплаты дани, другие источники сообщают, что деспот Георгий весьма аккуратно вносил дань туркам; так, например, Дука пишет, что деспот Сербии привез в августе 1453 г. установленную дань в Адрианополь, собрав ее в кратчайший срок.¹ Тот же Дука и турецкий писатель Сеад-эд-Дин, в дополнение к Критовулу, сообщают еще один предлог, выставленный султаном в качестве причины нападения на Сербию. Мехмет II, ссылаясь на то, что он находится (по матери) в родстве с семьей деспота Сербии, претендовал на власть над всем Сербским государством.²

Однако далее Критовул все же говорит о наиболее существенных причинах, вызвавших нападение султана на Сербию. Он указывает, что Мехмет II придавал огромное значение захвату Сербии потому, что она являлась прекрасным плацдармом для нападения на Венгрию и Валахию — врагов султана.³ Но самое главное, что толкало Мехмета II на войну с сербами, это было богатство этой цветущей и прекрасной страны.⁴ Таковы были, по словам Критовула, причины, вызвавшие нападение султана на Сербию в 1455 г.

Хорошо подготовившись в течение зимы, Мехмет II с наступлением весны выступил из Адрианополя с огромным войском, состоявшим, по сообщению Критовула, из 500 тыс. конницы и еще большего количества пехоты,⁵ имея с собой много всякого оружия и артиллерию. Захватив Мисий и за семь дней перейдя через Аймонские горы, султан вторгся в страну трибаллов, уничтожая и истребляя все на своем пути. При этом он покорил „немало крепостей, одни взяв штурмом, другими овладев после осады“.⁶ Спустя 25 дней турецкие войска подошли к укрепленному и богатому городу Новоброду (Новобрдо) и разбили перед ним лагерь. Подчеркивая миролюбие султана, Критовул сообщает, что Мехмет II начал мирные переговоры с осажденными, обещая сохранить им жизнь и имущество и убеждая, что они „будут вносить ему дань такую же, как и своему царю“,⁷ и только получив отказ, он начал осаду города. Деспот Сербии Георгий (которого Критовул по ошибке именует Лазарем), узнав о вторжении султана и осаде Новоброда, по словам Критовула, „испугался и, находясь в безвыходном положении, не знал, что предпринять“.⁸ Однако Критовул отдает должное врагу Мехмета II — „мужу благородному и отличавшемуся воинской доблестью“⁹ („γενναῖον ὄντα καὶ στρατηγικόν“). Несмотря на тяжелое положение, Георгий принимает меры к отражению врага. Он

¹ Дука, цит. соч., стр. 314.

² Там же, стр. 317; Сеад-эд-Дин, цит. соч., т. II, стр. 171.

³ „Природа страны (трибаллов) доставляла удобное положение для войны с паннонцами и даками, находящимися во вражде с ним, так как он из нее легко мог вторгнуться в землю тех“ (Критовул, цит. соч., кн. II, гл. VI, стр. 109).

⁴ Там же, кн. II, гл. VII, § 2, стр. 109.

⁵ Там же, кн. II, гл. VIII, § 3, стр. 110. Эта цифра является сильно преувеличенной, так как Критовул вообще склонен к преувеличению сил султана. Однако установить сколько-нибудь точно силы турок нельзя, так как другие источники не сообщают численности войск султана во время этого похода.

⁶ Там же, § 3, стр. 110.

⁷ Там же, § 5, стр. 110.

⁸ Там же, 13, § 1, стр. 110.

⁹ Там же, VII, § 6, стр. 110.

по возможности вооружает оставшиеся у него крепости, а все население открытых мест переселяет в крепости и неприступные горы, переносит туда скот и перевозит все имущество. В Самандрии же деспот оставляет сильный гарнизон и верного ему начальника и, снабдив город в изобилии съестными припасами и подготовив все для длительной осады, сам с женой и детьми, со всем имуществом и некоторыми приближенными переправляется через Истр и уезжает в Венгрию.¹ Однако вскоре он отправляет посольство из своих вельмож к султану и пытается богатыми подарками склонить его к миру. Критовул ничего не говорит о том, что деспот Георгий, находясь в Венгрии, несмотря на свой преклонный возраст, развил активную деятельность, пытаясь поднять силы Западной Европы на войну против турок и выступая с призывом к крестовому походу против „неверных“.² Однако его призывы оказались бесплодными, и только тогда, когда деспот увидел, что от Запада нельзя ждать никакой помощи, он начал мирные переговоры с султаном. Послы деспота, „мужи весьма разумные и опытные“,³ нагруженные богатыми подарками и, кроме того, везшие с собой установленную дань, явились к султану. Мехмет II принял их милостиво, щедро одарил и заключил с ними соглашение, по которому оставил за собой захваченные им крепости и часть страны, покоренную силой оружия, остальные же сербские земли отдал деспоту, „который должен был вносить ежегодную дань, немного меньшую, чем прежде, и поставлять условленное количество воинов в войско царя“.⁴ Здесь Критовул, как и в других местах своего труда, старается подчеркнуть милостивое отношение султана к побежденным и, в частности, к деспоту Георгию.

Описав довольно подробно осаду Новоброда, длившуюся 40 дней, Критовул сообщает, что осажденные держались до последнего, но когда стены города были разрушены артиллерией, — сдались на милость победителя, и султан пощадил их и разрешил им с женами и детьми и со всем имуществом выселиться из города и расселиться по стране.⁵

Деспот Георгий, узнав об условиях заключенного его послами мира, с радостью на них согласился, так как, продолжает Критовул, „он не рассчитывал, чтобы царь, собравший столь большое войско и произведший такие приготовления и понесший столь великие издержки в войне, заключил с ним мир“.⁶ Его радость была столь велика, что он даже не протестовал против захвата султаном части его земель,⁷ довольствуясь оставленной ему территорией, так как „он боялся раньше, что лишится всего своего государства“.⁸ И тотчас, захватив жену и детей и все свое добро и переправившись через Истр, возвратился в свою державу. Султан же вооружил захваченные им крепости, оставив там сильные гарнизоны, назначил „сатрапом“ области Али, а сам с огромной добычей возвратился в Адрианополь. „А произошло это по истечении 6963 полных лет от сотворения мира и на пятый год правления царя“.⁹ Таков рассказ Критовула о походе Мехмета II в Сербию в 1455 г.

¹ К р и т о в у л, цит. соч., кн. IX, § 1—2, стр. 110. Самандрия — так греческие писатели называют Смедерво.

² Р а д о н и ч, цит. соч., стр. 75.

³ К р и т о в у л, цит. соч., кн. II, гл. IX, стр. 111.

⁴ Там же, кн. II, гл. IX, стр. 111.

⁵ Там же, § 5, стр. 111.

⁶ Там же, § 6, стр. 111.

⁷ Султан захватил южную часть Сербии.

⁸ К р и т о в у л, цит. соч., кн. II, гл. IX, § 6, стр. 111.

⁹ Т. е. в 1455 г. Там же, § 8, стр. 111.

Освещение событий и их оценка, общий тон рассказа Критовула о походе Мехмета II в Сербию резко контрастируют с освещением этих событий у других византийских авторов и ближе подходят к рассказу турецких историков, в частности Сеад-эд-Дина, что, конечно, определяется туркофильской позицией Критовула и панегирическим характером его труда.

Однако если отбросить некоторые преувеличения и принять во внимание общую туркофильскую окраску „Истории Мехмета II“, то при сопоставлении данных ее автора с сообщениями других византийских историков, в первую очередь Халкокондила¹ и Дуки², мы увидим, что Критовул дает довольно подробный и в целом точный рассказ о вторжении турецких войск в Сербию в 1455 г.

Осада Белграда в 1456 г.

Большой интерес представляет рассказ Критовула об осаде Мехметом II Белграда летом 1456 г. (кн. II, гл. XVII, XVIII, XIX, стр. 114—116). Источники, повествующие об этой осаде, многочисленны и многообразны, но фрагментарны. Из византийских писателей наиболее подробно описывает это событие Халкокондил,³ рассказ которого по праву считается одним из лучших источников об осаде Белграда. Другие византийские писатели — Дука и Франдзи⁴ — лишь вскользь упоминают о ней. Осада Белграда для них — просто незначительный эпизод, описание которого уместается в нескольких строках. Из других источников интересны, но весьма субъективны сообщения главных участников сражения под Белградом — Яна Гуниада и Иоанна Капистрана,⁵ а также очевидца осады — Тальякоцо.⁶ Письма и донесения Гуниада и Капистрана дают явно „западническое“ освещение приводимым фактам. Хроника Тальякоцо — рассказ очевидца, наполненный интересными и красочными подробностями, заслуженно занимает видное место среди источников об осаде Белграда турками.

Привлекает внимание описание осады Белграда у турецкого историка Сеад-эд-дина. Чрезмерное воображение автора и риторические преувеличения снижают ценность его труда, но все же его повествование, очищенное от пышности восточного красноречия и излишнего пустословия, рисует довольно точную картину осады и наполнено многими живописными деталями, особенно о жизни турецкого лагеря под Белградом.

Кратко сообщают о белградской битве сербские летописи.⁷ Некоторые известия содержит хроника Дубровника.⁸ Довольно подробно повествуют об этом событии венгерские хроники.⁹

Среди этих разнообразных источников, имеющих различную политическую, конфессиональную и национальную окраску, преобладают источники „западнической“ ориентации (за исключением, понятно, турецких).

¹ Халкокондил, цит. соч., стр. 414.

² Дука, цит. соч., стр. 317.

³ Халкокондил, цит. соч., стр. 416—426.

⁴ Дука, цит. соч., стр. 337; Франдзи, цит. соч., стр. 212.

⁵ См. Катона, *op. cit.*, v. VI, p. 2.

⁶ Записки Тальякоцо изданы в XXIX т. *Analecta Bollandiana*.

⁷ „Гласник Српског ученог друштва“, кн. XXXII, Београд, 1871.

⁸ *Monumenta spectantia Historiam Slavorum Meridionalium*, v. XIV, Agram, 1883.

⁹ Из них нам была доступна лишь хроника Туроца, латинский перевод которой дан в труде Катона, v. XIII, p. 1096 и сл.

„История Мехмета II“ Критовула занимает особое место и по своей политической окраске резко отличается от всех византийских, славянских, итальянских, венгерских и других источников и скорее приближается к турецким.

Более того, в своем стремлении скрыть поражение Мехмета II Критовул превосходит даже турецкого историка Сеад-эд-Дина, который более чистосердечен и откровенен, чем грек-рenegат Критовул. Однако у Критовула есть некоторые подробности, которых не сообщает ни один современный писатель. Например, никто из них не дает такого подробного описания построения турецких войск и самого штурма Белграда, как это делает Критовул.

Своя рассказ Критовул начинает с описания военных приготовлений султана зимой 1455/56 г. При этом он подчеркивает, что султан держал в тайне цель этих приготовлений: „никто не знал, куда он совершит поход“.¹ Сообщения Критовула в основном совпадают с рассказом Сеад-эд-Дина² и Тальякцо.³ Действительно, в течение зимы 1455/56 г. султан собрал к Адрианополю со всех концов своих обширных владений, с такой же неутомимой энергией, как и перед осадой Константинополя, армию, численность которой некоторыми историками (Сеад-эд-Дин) и народным воображением была преувеличена до 400 тыс., однако по самым скромным подсчетам она составляла приблизительно 150 тыс. чел.⁴ Пушки всех калибров, в том числе 20 „настоящих чудовищ“ — в 27 футов длины, подобных которым не видели раньше, были подвезены из Адрианополя к Белграду. Бесчисленное множество верблюдов, быков и буйволов, собранных из Боснии и Анатолии, везли артиллерию, военное снаряжение и продовольствие. Мельницы для размалывания зерна, печи для выпечки хлеба, большое количество железа и меди для отливки пушек — все это имелось в армии султана. Носился слух, что турки везли с собой множество собак, предназначенных для уничтожения трупов христиан.⁵

Критовул не дает этих подробностей о приготовлениях султана, ограничиваясь общими фразами, возможно, потому, что он не был очевидцем описываемых событий, а скорее всего (поскольку он писал по рассказам очевидцев и был, видимо, достаточно осведомлен) он сознательно не хотел подчеркивать грандиозности приготовлений султана, что сильнее оттенило бы размеры поражения турок под Белградом.⁶ Так, например, он значительно более подробно описывает приготовления к походу султана в Трапезунт, Синоп, Пелопоннес.

С началом весны 1456 г. султан, по словам Критовула, выступил из Адрианополя, прошел через внутреннюю Фракию и Македонию до Верхнего Мисия (ныне называемого Софией) и до Аймонского прохода, перешел его, вторгся на территорию трибаллов и, опустошив их страну, прибыл к паннонскому городу, расположенному по берегу Истра и называемому Пелоград, т. е. Белград („... ἀφικνεῖται ἐς τὸ τῶν Παίωνων ἄστυ τὸ παρὰ τὰς ὄχθας τοῦ Ἰστρου καί μινον, Πελογράδα οὕτω καλούμενον“).⁷ Критовул яркими красками рисует неприступность Белградской крепости.

¹ Критовул, цит. соч., кн. II, гл. XVII, стр. 114.

² Сеад-эд-Дин, цит. соч., т. II, стр. 183.

³ Тальякцо, цит. соч., стр. 215—216.

⁴ Nisbet-Bain, цит. соч., стр. 240.

⁵ Там же.

⁶ Другие же хроникеры, вероятно, тоже вполне сознательно, преувеличивают размеры приготовлений, чтобы показать, сколь велика была победа над турками.

⁷ Критовул, цит. соч., кн. II, гл. XVII, § 2, стр. 115.

Крепость Белграда расположена на узком мысе при слиянии Истра и Савы и с двух сторон защищена самой природой: быстрым и бурным течением этих рек, обрывистыми и высокими берегами, глубокими водоворотами.¹ Со стороны суши Белград более доступен для нападения, однако человеческое искусство сделало все возможное, чтобы его укрепить. Здесь город был защищен высокой двойной стеной, глубоким ровом, наполненным водой. Город защищался сильным венгерским гарнизоном,² из „воинственных и закованных в латы солдат“. Таким образом, заключает автор, город был неприступен.

Описание Белградской крепости у Кривовула вполне совпадает с данными современных ему писателей. В дополнение к сказанному Кривовулом можно добавить, что со стороны суши город был также защищен крутыми скалами и опасными трясиными, а цитадель, которая стояла на скале в центре города и с которой город был связан лишь небольшим деревянным мостом, по тому времени действительно была неприступной.

Кривовул прекрасно понимает также важность стратегического положения Белградской крепости и, как турецкий писатель Турсун-Бег, называет ее ключом к Венгрии.³

Затем Кривовул дает подробное описание осады Белграда. Он рассказывает, как султан окружил город и начал обстреливать его и как часть внешней стены города была разрушена до основания, а ров засыпан турецкими войсками. Однако осажденные стойко сопротивлялись, и там, где стена была разрушена, „вырыли внутри города глубокий ров и насыпали высокий вал“. Но положение их было крайне тяжелым. В это время „Иоанн, правитель паннонцев и даков, находясь на другом берегу Истра, прямо против города с 4 тыс. воинов, наблюдал за происходящим“. Узнав о безвыходном положении города, он, „тайно переправившись с воинами через реку и подойдя к городу, засел там, и никто не видел с этой стороны, как он переправился“.⁴

Это место Кривовула привлекает особое внимание, так как здесь автор явно искажает факты и противоречит сообщениям всех других источников.⁵ Дело в том, что Кривовул ни слова не говорит о знаменитой битве, происшедшей на Дунае между турецким флотом и флотилией Иоанна Гуниада 14 июля 1456 г., и о победе Гуниада, благодаря которой он со своими войсками пробился в Белград. Умалчивая об этом сражении, Кривовул стремился показать, что Гуниад проник в город тайно, а не пробился силой оружия, как это было в самом деле.

Между тем другие современные источники рассказывают, что как только Иоанн Гуниад узнал о критическом положении Белграда, он решил прорваться к осажденным. Однако попытка спасти крепость с суши была бы чистым безумием, так как небольшой отряд воинов, которым располагал Гуниад, был бы перебит раньше, чем достиг города. Не оставалось ничего другого, как попытаться спуститься

¹ Кривовул, цит. соч., кн. II, гл. XVII, § 2, стр. 115.

² Кривовул здесь не упоминает, что, помимо венгерских войск, город защищался сербским гарнизоном

³ Кривовул, цит. соч., кн. II, гл. XVII, § 2, стр. 115.

⁴ Там же, кн. II, гл. XVIII, стр. 115, § 4.

⁵ О битве на Дунае и прорыве войск Гуниада говорит также Халккокондил, цит. соч., 418; Тальякодо — см. Катона, op. cit., v. VI, p. 1072—1075; Иоанн Капистран в письме к Каалликусту III — Катона, op. cit., v. 1, p. 1102 и другие источники

с флотилией вниз по Дунаю и пробить себе дорогу в город по реке. Командир Белградской крепости был извещен об этом плане, и ему были даны указания держать в боевой готовности 40 небольших кораблей, которые имели осажденные, для комбинированной атаки. 14 июля 1456 г. Гуниад пустился в свое опасное предприятие под прикрытием безлунной ночи, и его корабли тихо спустились вниз по течению Дуная к Белграду. Турецкая эскадра из 200 кораблей стояла на якоре близ города, причем турецкие корабли были соединены огромными железными цепями и, таким образом, вся река была заперта флотом, а город блокирован. С приближением флота Гуниада с турецких кораблей был дан сигнальный выстрел, и турецкая флотилия приготовилась к абсордажной битве. На турецкую эскадру одновременно напали корабли Гуниада и белградская флотилия; завязалось ожесточенное сражение.

Схватка длилась пять часов, и исход ее долгое время был неясен. Наконец, войска Гуниада одержали победу и, разорвав железные цепи, пробили себе дорогу в город. Турецкие корабли были уничтожены или захвачены Гуниадом, и лишь немногим кораблям удалось уйти. На следующий день разбитые и выброшенные на берег корабли по приказанию султана были сожжены, чтобы они не попали в руки врагов.

В сражении на Дунае воины Гуниада вели себя героически и сражались с необычайным мужеством. В этой битве с большой силой проявился патриотический подъем, охвативший народы Венгрии и Сербии в борьбе с ненавистными завоевателями. Так рисуют битву на Дунае современные ей источники.¹

Умалчивая обо всем этом в угоду султану, Критовул зато весьма детально описывает штурм Белграда турецкими войсками. Он подчеркивает, что Мехмет II, отобрав самые лучшие войска и ободрив их речами и обещаниями больших наград, „сам повел их к стене“.² „Воины же со страшным шумом и боевым кличем стремительно бросились к пролomu в стене“.³ Однако, „паннонцы стойко выдержали их натиск... и доблестно сражались“. Закипела страшная рукопашная схватка, в гуще которой оказался и сам султан. Наконец, турки взяли верх и, овладев внешней стеной, ворвались в город. Но в этот момент неожиданно появился из засады Иоанн Гуниад, привел в замешательство турецкие войска⁴ и отрезал им путь к отступлению.

Далее Критовул весьма красочно описывает страшную рукопашную битву в самом городе, подчеркивая при этом, что обе стороны сражались прекрасно, но турки, поражаемые с высоты крепостных стен и крыш зданий, вынуждены были отступить к своему лагерю. Даже туркофильски настроенный Критовул принужден признать героизм осажденных.

Рассказ Критовула о штурме Белграда до этого места в целом совпадает с данными других источников. К нему можно добавить лишь некоторые подробности, которые встречаются у очевидцев и участников Белградского сражения. Так, например, источники сообщают, что осажденные совершали чудеса храбрости, но особенно отличились при отражении штурма сербы.⁵

¹ Халкокондил, цит. соч., 418—419; Катона, op. cit., VI, p. 1072—1075

и др.

² Критовул, цит. соч., кн. II, гл. XIX, стр. 115.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 116.

⁵ Радоич, цит. соч., стр. 76.

Защитой Белграда сербский народ стяжал себе большую славу. Простые сербские воины сражались против турок с беспримерным мужеством. Стойко держался и венгерский гарнизон. Рукопашный бой шел на каждой улице города, но наиболее жестоким он был на узком мосту, ведущем из цитадели к городу, где войсками командовал сам Гуниад. Битва длилась несколько часов, и обе стороны несли огромные потери. Участник сражения Тальякоцо рассказывает один интересный эпизод. Когда бой был в разгаре, один молодой янычар взобрался на вершину самой высокой башни и, потрясая над головой развевающимся знаменем, призывал к себе своих товарищей. Увидев это, молодой венгерский воин бросился на турка и пытался вырвать из его рук знамя; началась ожесточенная борьба, но так как силы были равны, венгр бросился вниз со стены вместе со своим противником.¹ Исход сражения был решен тем, что осажденные, собрав охапки хвороста, ветки, смолу, серу и другие горючие материалы, подожгли их и стали бросать на голову туркам; большинство турецких воинов погибло от огня, другие обратились в бегство.

Далее Критовул говорит, что венгры, преследуя турок, ворвались в их лагерь и, захватив „машины“ (так называет Критовул пушки), сбросили их в реку.² „И многие из них обратились к грабежу лагеря, и совершили бы там великое зло и разграбили бы весь лагерь, если бы царь тотчас со своими воинами... не совершил нападения в самую их гущу и, сражаясь ожесточенно, одержал блестящую победу и обратил их в бегство, преследовал до самой стены, убивая и уничтожая беспощадно... и вновь загнал их внутрь города“.³ Таким образом, заключает автор, „захвачено из лагеря было немного“, и чтобы еще сильнее подчеркнуть свою мысль, вновь повторяет: „Так как царь, как я сказал, внезапно напал на них и, обратив в бегство, преследовал“.⁴

Здесь опять сказывается тенденциозность нашего автора: он всячески стремится показать, что поражение турок было не окончательным и что султану удалось поправить положение. Однако он вынужден признать, что турки понесли большие потери, особенно много погибло „прекрасных мужей из царской гвардии“,⁵ в том числе „эпарх Европы Каратзиас“.⁶

Далее Критовул сообщает о ранении султана:

„Говорят, что царь был ранен в сражении дротиком в бедро, но, впрочем, рана была неглубокой и поверхностной“ („λέγεται δὲ καὶ τὸν βασιλέα μαχόμενον βληθῆναι δόρατι τὸν μηρὸν, μὴ μόντοι μέγα εἶναι τὸ τραῦμα, ἀλλ' ἐπιπόλαιον“)⁷ и продолжает: „Царь, потеряв окончательно надежду на взятие крепости (ведь там находился большой гарнизон, так как многие уже вошли в нее), снимается с войском оттуда, совершает набег и захватывает часть страны трибаллов, покоряет крепости, разграбляет деревни и, захватив большую добычу для себя и раздав войску, он, поставив вновь там сатрапом Али, возвращается в Адрианополь, когда был уже конец лета“.⁸

¹ Тальякоцо, цит. соч., стр. 212; Nisbet-Vain, цит. соч., стр. 249.

² Критовул, цит. соч., кн. II, гл. XIX, стр. 116.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, §§ 6, стр. 116.

⁶ Там же, §§ 6.

⁷ Там же, §§ 6, стр. 116.

⁸ Там же, § 7, стр. 116.

Критовул, таким образом, утверждает, что султан по собственной воле снял осаду с Белграда и обратился к завоеванию сербских земель. На самом деле, как передают другие источники,¹ Мехмет II, тяжело раненый, бежал с поля сражения под Белградом, едва собрав остатки своих рассеянных войск. Весь огромный лагерь, покинутый войсками, Мехмет II приказал поджечь, чтобы не оставить добычу победителям.²

Потери турок были велики. По подсчетам Цинкайзена, турки потеряли около 24 тыс. во время штурма и не меньше во время бегства.³ Султан, раненный и подавленный поражением, не думал о покорении сербских крепостей. Лишь значительно позже, когда после Белградского поражения турок в Сербии начались волнения, султан послал пашу Махмуда с 20-тысячным войском на подавление восстания в Сербии.

По всей Европе разнесся слух о страшном поражении султана и даже гибели „великого турка“. В одном письме от 29 августа 1456 г. к миланскому герцогу Сфорца, которое приводит Тальякцо, читаем: „Se dice che li Turchi sono caciati de Constantinopoli et della morte del grande Turco“.⁴ Венгерский хронист Туроц⁵ сообщает, что тяжело раненого, полумертвого султана приближенные перенесли в Авалу,⁶ и когда султан пришел в себя, он потребовал, чтобы ему дали яд, ибо не желал возвращаться домой опозоренным.

В Риме ходили слухи, что под Белградом пало 70 тыс. турок; папа, кардиналы и все духовенство совершали торжественные молебствия по случаю победы над „неверными“.⁷

* * *

В обороне Белграда с особой силой проявился героизм народных масс южнославянских и других государств Восточной Европы, которые с необычайным мужеством и непоколебимой стойкостью сражались против ненавистных полчищ турецкого султана.

Защита Белграда — одна из героических страниц истории сербского и венгерского народов.

Несмотря на то, что турки значительно превосходили венгров и сербов как по численности, так и по технике, султану так и не удалось овладеть Белградом и турки принуждены были с позором отступить от стен крепости.

Непоколебимые стойкость и мужество защитников Белграда ясно выступают даже из рассказа Критовула, всячески стремящегося скрыть поражение султана и преуменьшить победу венгров и сербов. Однако, несмотря на свою тенденциозность, порой приводящую к искажению и замалчиванию фактов, рассказ Критовула об осаде Белграда отличается большой простотой, ясностью, стройностью и красочностью изложения и с учетом его тенденции может быть использован при изучении этого знаменательного в истории стран Балканского полуострова события, приостановившего на некоторое время дальнейшее продвижение турок в Европе.

¹ Халкокондил, цит. соч., стр. 423.

² Aeneas Sylvius. Hist. Bohem., p. 63.

³ I. Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches in Europa, t. I, S. 93.

⁴ Тальякцо, в XXIX т. Analecta Bollandiana, p. 216.

⁵ Katona, op. cit., v. XIII, p. 1096.

⁶ 18 км от Белграда.

⁷ Тальякцо, цит. соч., стр. 216.

Критовул, описывая осаду Белграда, упоминает, что деспот Сербии, „узнав о нападении царя на его державу, тотчас перейдя Истр, с женой и детьми и всем своим имуществом отправляется в Дакию“¹, а после поражения турок под Белградом вновь возвращается на родину.²

В XX и XXI главах второй книги Критовул дает живую и яркую картину внутренних междоусобиц в Сербском государстве. Он рассказывает, что комендант Белграда „Михаил, брат жены Иоанна“³, враг деспота Георгия, подстерег его в одном городке⁴ и, вероломно захватив его, бросил в темницу в Белграде. С большим трудом деспоту удалось выкупиться за 30 тыс. золотых.⁵ Деспот Георгий вернулся домой в Смедерево,⁶ но вскоре умер, „охваченный горем и удрученный тяжкой болезнью“, оставив своими наследниками жену и сына Лазаря.⁷ Критовул подробно излагает ссору нового деспота Лазаря с его матерью, рисуя Лазаря самыми черными красками, затем описывает смерть матери Лазаря и бегство его сестры Амересы и слепого брата Григория к султану. Затем следует описание неудачного правления Лазаря, который „был еще молод и неопытен в управлении государством и не имел при себе честного и близкого человека, помогавшего ему в делах, или если и имел, то не следовал его советам и не доверял ему, — плохо управлял государством и привел все в замешательство и полный беспорядок“.⁸ Правление Лазаря было очень непродолжительным, и он вскоре умер, оставив наследниками жену и малолетнюю дочь.⁹ Следуя своей обычной манере во всем оправдывать действия султана, Критовул говорит, что Лазарь перестал вносить обычную дань, что вызвало гнев Мехмета II,¹⁰ и он стал готовиться к нападению на Сербию.

Узнав о смерти Лазаря, султан приказал своему наместнику Али напасть на Сербию. Али вторгается в страну и осаждает Смедерево (Самандрию).¹¹ Не будучи в силах выдержать осаду, вдова Лазаря и ее приближенные вынуждены были сдать город, и султан, по словам Критовула, обошелся с ними милостиво, разрешил невредимыми выйти из города со всем их имуществом, а затем дал вдове Лазаря во владение два городка в Боснии и Далмации. Покинув Сербию, вдова Лазаря выдала замуж свою дочь за правителя Боснии, а сама отправилась на остров Керкиру.¹² Окончила она свою жизнь, как сообщает другой византийский писатель Георгий Франдзи, в монастыре Санта-Мария в 6982 г. от сотворения мира, или в 1474 г. н. э.¹³

Таков рассказ Критовула о последних днях Сербского государства. В целом он совпадает с данными других источников. Так,

¹ К р и т о в у л, цит. соч., кн. II, гл. XVIII, стр. 15, § 1.

² Там же, кн. II, гл. XX, стр. 116.

³ Михаил Свилаевич, родственник Иоанна Гуниада.

⁴ По предположению Радоичича, это был Купеник на Саве (Радоичич, цит. соч., стр. 75).

⁵ К р и т о в у л, цит. соч., кн. II, гл. XX, § 4, стр. 116. В одном современном письме говорится, что за 60 тыс. золотых дукатов.

⁶ У Критовула — Самандрия.

⁷ К р и т о в у л, цит. соч., кн. II, гл. XX, стр. 116.

⁸ К р и т о в у л, цит. соч., § 11, стр. 117.

⁹ Там же, стр. 117.

¹⁰ Там же.

¹¹ К р и т о в у л, цит. соч., кн. II, гл. XXI, § 1, стр. 117, § 2.

¹² Там же, кн. III, гл. II, § 1, 2, стр. 120.

¹³ Ф р а н д з и, цит. соч., стр. 450, 15.

например, Эней Сильвио в своем произведении „Europa“ также говорит, что слепой Георгий с сестрой бежали от притеснений Лазаря к султану и что Георгий после смерти деспота Лазаря пытался с помощью турок овладеть властью в Смедереве.¹ О неладах между Лазарем и его матерью есть сведения и в других источниках, носились даже слухи, что деспот Лазарь отравил свою мать Ирину.² Сведения о судьбе жены Лазаря Елены, которые приводит Кривовул, совпадают с рассказом Франдзи,³ который сам окончил свои дни на Керкире и знал о последних годах ее жизни.

Однако некоторые места в рассказе Кривовула вызывают сомнения. Так, по данным сербских летописей, деспот Лазарь уже в январе 1457 г., сразу же после прихода к власти, заключил договор с султаном, по которому Мехмет II признал за ним все земли отца, кроме Новоброда, с тем, что Лазарь будет платить туркам дань в 40 тыс. дукатов.⁴ По сообщению Тальякоцо, Лазарь был в хороших отношениях с Махмудом Анжеловичем, беглер-бегом Румелии, и из-за вражды с родственником Гуниада помогал Махмуду в его походе против венгров в Банат в конце 1457 г.⁵ Эти сведения других источников противоречат общему враждебному тону, каким говорит Кривовул о деспоте Лазаре, вряд ли уместному в его труде, если бы Кривовул знал о протурецкой ориентации Лазаря. Скорее всего, Кривовул был недостаточно осведомлен о политике Лазаря, а передавал ту версию, которая, как ему казалось, была наиболее приятной султану. Как справедливо отмечает Радониц,⁶ известия Кривовула о том, что султан готовился напасть на Сербию из-за того, что Лазарь не платил ему дань, — не точны и являются, по нашему мнению, обычным шаблоном, который часто встречается у Кривовула. Если бы Лазарь находился во враждебных отношениях с турками, то как бы он мог состоять в хороших отношениях с беглер-бегом Махмудом и принимать участие в его походе в Банат?

Слишком в общих чертах и неточно описывает Кривовул дела в Сербии после смерти деспота Лазаря. Например, он ничего не говорит о походе беглер-бега Махмуда Анжеловича в Сербию летом 1458 г., когда Махмуд захватил почти всю Сербию, кроме Смедерева, а в августе 1458 г. взял г. Голубац, как передает Тальякоцо.⁷ Кривовул не упоминает, что Мехмет II сам захватил Смедерево 20 июня 1459 г.⁸

Но что является ценным в рассказе Кривовула, — это яркая картина феодальных усобиц в Сербском государстве накануне его окончательного падения, почти такая же выразительная, как нарисованные им картины междоусобных войн в Пелопоннесе перед его захватом турками⁹ или междоусобия феодалов в Трапезунтской империи.

Босния

Весьма обстоятельно рассказывает Кривовул в четвертой книге своего труда о походе Мехмета II в Боснию в 1463 г. Подобно

¹ Aeneus Sylvius. Europa, v. V, p. 230.

² Радониц, цит. соч., стр. 79.

³ Франдзи, цит. соч., стр. 386.

⁴ Радониц, цит. соч., стр. 79.

⁵ Тальякоцо, цит. соч., стр. 230.

⁶ Радониц, цит. соч., 79.

⁷ Тальякоцо, цит. соч., стр. 241, 242.

⁸ Кривовул, цит. соч., кн. III, гл. II, стр. 120.

⁹ Там же, кн. III, гл. XIX, стр. 131 и сл.

описанию похода султана в Сербию, Критовул начинает свой рассказ с краткой характеристики Боснии, это описание представляет большой интерес. Он говорит, что страна бостров, некогда называвшихся далматями, расположена по сю сторону р. Савы и граничит со страной паннонцев. Племя это велико и владеет землями, изобилующими всякими плодами и окруженными непроходимыми теснинами и скалистыми горами. Держава их имеет неприступные крепости, укрепленные городки и богатых и могущественных правителей („... προσέτι δὲ φρούρια τε ἔχουσαν ἔρυμνά καὶ πολίσματα ἰσχυρὰ καὶ δυσάλωτα καὶ ἡγεμόνας εὐδαίμονων καὶ δυνατῶν“).¹ Бостры всегда находились в тесной дружбе с царем паннонцев и были с ним в военном союзе. В силу этого они никогда не шли на союз с турками и, в отличие от их соседей иллирийцев (албанцев) или трибаллов (сербов), отказывались платить султану ежегодную дань.² Они презрели предложение султана заключить соглашение с ним, „желая быть независимыми, свободными и не связанными никакими договорами“ („... αὐτόνομοι τε καὶ ἐλεύθεροι καὶ ἐκσπόνδοι πάντα εἶναι βουόμενοι“).³ По сообщению Критовула, Босния — страна могущественная, богатая и независимая. Например, он рассказывает, что во время похода 1463 г. султан Мехмет II захватил в Боснии не менее 300 крепостей и четырех гегемонов (правителей).⁴ („... λήζεται καὶ χειροῦται φρούρια ὀλίγω ἐλάσσω τριακοσίων, συλλαμβάνει δὲ καὶ τέσσαρας τῶν αὐτῆς ἡγεμόνων“).⁵ Некоторые ученые, например Радониц, сомневаются в правдоподобности этой цифры — 300 крепостей — для Боснии XV в.⁶ Однако если Критовул даже несколько и преувеличил эту цифру, опять-таки, чтобы подчеркнуть величие побед султана, то все же это не меняет общего впечатления о Боснии, которое мы получаем из рассказа Критовула, как о стране сильной и могущественной. Особенно подчеркивает Критовул значение неприступной крепости *Ἰάιτζα* (Яйце), „расположенной в удобной местности по соседству с Венгрией“, которую султан стремился захватить как важнейший опорный пункт для нападения на Венгрию.

Босния, по изображению Критовула, — типичное феодальное государство, причем центральная власть в лице их „правителя“ (кряля Боснии Стефана Томашевича) была, видимо, слаба. Так, Критовул подробно рассказывает о гибели боснийского кряля в результате измены его приближенных. Он пишет, что Мехмет II, разгневавшись на Боснию за то, что она не желала ему подчиниться и заключить с ним союз, весной 1463 г., собрав огромное войско, вторгается в Боснию и, разгромив большую часть страны, подходит к неприступной крепости Яйце, куда бежал правитель боснийского государства. Начав осаду города, он в течение немногих дней разрушил часть крепостной стены и готовился к штурму. Однако осажденные „тайно от своего правителя (гегемона) начали переговоры с царем и сдали себя и город“.⁷ Правитель же их, узнав об этом, ночью бежал из города, но был схвачен турецкой стражей и приведен к султану, и тот его тотчас казнил“.⁸

¹ К р и т о в у л, цит. соч., кн. IV, гл. XV, стр. 147.

² Там же.

³ Там же, § 2, стр. 147.

⁴ Там же, § 11, стр. 148.

⁵ Там же.

⁶ Р а д о н и ц, цит. соч., стр. 81.

⁷ К р и т о в у л, цит. соч., кн. IV, гл. XV, § 8, стр. 148.

⁸ Там же.

С теми же, кто был в городе, „султан обошелся милостиво, решил остаться в городе на условии уплаты дани. Затем, „оставив в крепости сильный гарнизон и назначив фруархом (начальником гарнизона.—З. У.) одного из местных вельмож, опустошает всю страну бостров и далматов, прежде чем кончилось лето“.¹ Весьма интересно замечание Кривовула, что султан захватил в Боснии, кроме казненного краля Стефана, еще „четыре гегемоны“. Повидимому, это были крупные феодалы, имевшие значительную власть в стране.

Таков вкратце рассказ Кривовула о походе Мехмета II в Боснию в 1463 г. Об этом же походе есть сведения в других источниках. Довольно подробно говорят о нем Халкокондил,² Сеад-эд-Дин.³ Интересен рассказ об этой экспедиции очевидца Михаила Янычара. В целом изложение событий у Кривовула совпадает с данными других авторов. Однако бросается в глаза одно умолчание Кривовула. Он ничего не пишет о том, что паша Махмуд еще раньше осады Яйце захватил краля Боснии Стефана в г. Клуче на Сане и дал ему слово сохранить ему жизнь. Но султан не сдержал слова, данного его ближайшим помощником пашей Махмудом, и казнил Стефана.⁴ Конечно, очень возможно, что Кривовул просто об этом ничего не знал, но можно предположить, что он сознательно умолчал об этом в угоду султану.

В пятой книге Кривовул подробно рассказывает о походе венгерского короля Матфея Корвина в Боснию зимой 1463/64 г. и о вторичном вторжении туда турецкого султана. Матфей Корвин прекрасно понимал, какую опасность для Венгрии представляет захват Боснии турками, и поэтому решил освободить Боснийское государство от турецкого владычества.

„Вторгнувшись туда с достаточным войском и снаряжением, он тотчас склоняет к измене царю многие из крепостей, одни убеждая и привлекая на свою сторону речами, другие страхом и угрозами, но были и такие, которые он захватил силой оружия“.⁵ „Придя к крепости *Yajtza*, он берет ее без труда, так как находящиеся внутри ее восстали, учинили резню и подчинились ему добровольно“.⁶ Пробыв недолго в Боснии и поставив в захваченных крепостях гарнизоны, Матфей Корвин возвратился в Венгрию.

Однако султан, не желая мириться с потерей Боснии, весной 1464 г. с большим войском во второй раз вторгается в Боснию. Центральным моментом этого похода была осада султаном крепости Яйце, подробно описанная Кривовулом. По силе выразительности и художественности это одно из лучших мест труда Кривовула. Штурм города, битва в его стенах описаны с такой живостью и драматизмом, как ни у одного другого автора. Кривовул пишет, что после того как при первом штурме войска Мехмета II потерпели неудачу, султан лично повел войска на приступ, обещав большие награды тем, кто первыми взойдут на стены крепости, и объявив, что город будет отдан солдатам на разграбление. Воины со страшными криками, подобно птицам, бросились к стенам города, стремясь отличиться в присутствии султана, и закипело страшное сражение. „И они опьянели от битвы и, восплав

¹ Там же.

² Халкокондил, цит. соч., стр. 530—544.

³ Сеад-эд-Дин, цит. соч., т. II, стр. 217—222.

⁴ Радониц, цит. соч., стр. 82.

⁵ Кривовул, цит. соч., кн. V, гл. IV, § 1, стр. 151.

⁶ Там же.

гневом и злобой, совершенно забыли о человеческой природе и безжалостно убивали и рубили друг друга; поражая, были поражаемы, раяя, сами получали раны, убивая, сами гибли; кричали, бранились, проклинали, забыв все на свете и не замечая происходящего, точно они были безумными“ („... βάλλοντες, βαλλόμενοι, τιτρώσκοντες, τιτρώσκόμενοι, φονεύοντες, φονεύόμενοι, βοῶντες, ὑβρίζοντες, βλασφημοῦντες, μηδενὸς ἐπισιθιζόμενοι τῶν παρόντων ὁλως ἢ τῶν δρωμένων ὡσπερ οὐκ ἐπιζόμενοι“).¹

Наконец, султан, понеся большие потери, убедился, что не может взять город штурмом, и решил уйти, оставив у крепости часть войск с целью взять ее измором. Однако в это время султан узнал, что венгерский король Матфей Корвин с большим войском спешит на помощь к осажденным. Узнав о приближении венгерского короля, Мехмет II изменил план действий, сам остался под крепостью Яйце, а пашу Махмуда с частью войска послал навстречу Матфею. Махмуд, дойдя до р. Эригон, на местном наречии называемой Бринос (Дрина) („ὡς τῇ ἐπιχωρίῳ φωνῇ νῦν βρῦνος καλεῖται“), хотел уже перейти через нее и напасть на венгров, но получил приказ от султана остаться на месте и наблюдать за врагом (расстояние между двумя лагерями было не более 25 стадий, так что противники могли видеть друг друга).² В это время венгерский король, „узнав, что Мехмет II продолжает осаждать Иаитзу, а Махмуд с огромным войском подстерегает его, отчаявшись открыто помочь городу“, тайно послал письмо в крепость, убеждая осажденных держаться до последнего, так как султан сам скоро снимет осаду. Затем однажды ночью, снявшись с места, он поджег свой лагерь и ушел со всем своим войском.³ Паша Махмуд поспешил за ним. Напав на обозы венгерской армии, он перебил охрану, „привел в замешательство все войско, и началось страшное бегство“. Махмуд же безжалостно уничтожал бегущих и „многих из них перебил и многих захватил живыми“. Далее Критовул пишет: „И погибло там множество врагов, и захватил он в плен живыми немного менее 200 человек, которых впоследствии царь, отвезя в Византию, всех казнил“.⁴ Кроме того, Махмудом было захвачено много всякого снаряжения венгерской армии, повозки, оружие, кони и солдаты обоза. Сам же Мехмет II в течение немногих дней безуспешно продолжал осаду крепости Яйце. Наконец, он, убедившись, что не сможет овладеть ею, отступил, разграбил большую часть Боснии, захватил и разрушил много крепостей, мужчин перебил, женщин и детей обратил в рабство и, захватив огромную добычу и „оставив сатрапа страны“, на исходе лета возвратился в Константинополь.⁵

Анализируя это место труда Критовула, мы прежде всего должны сказать, что в целом рассказ Критовула правилен и совпадает с данными других современных ему источников. Об этой второй экспедиции Мехмета II в Боснию имеются сведения у турецкого писателя Сеад-эд-Дина,⁶ в любопытном письме венгерского короля Матфея Корвина к папе Пию II и послании к императору Фридриху III, у венгерского хроникера Туроца⁷ и в других источниках. Однако

¹ Критовул, цит. соч., кн. V, гл. V, § 9, стр. 152.

² Там же, гл. VI, § 3, стр. 153.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, § 9.

⁶ Сеад-эд-Дин, цит. соч., т. II, стр. 234—238.

⁷ Катона, op. cit., 14, 652 и сл., p. 723 и сл.

и здесь, как и в других частях своего труда, Критовул, в силу своей тенденциозности, стремится преуменьшить неудачу Мехмета II под Иаитзой (Яйце) и для этого, значительно сгущая краски, выдвигает на первый план в своем рассказе нападение паша Махмуда на обозы венгерской армии — частный эпизод, который не менял общего положения. Кроме того, вопреки истине, Критовул утверждает, что Мехмет II, послав часть войск навстречу венгерскому королю, сам продолжал осаду Яйце. Из других же источников мы видим, что Мехмет II, узнав о приближении венгерских войск, немедленно снял осаду крепости и ушел из Боснии, оставив под Иаитзой артиллерию и снаряжение. Венгры после ухода султана овладели крепостью Serbernik и осадили город Zvornik, расположенный на р. Дрине, в котором находился сильный турецкий гарнизон. Венгры два месяца осаждали этот город. Между тем паша Махмуд лишь в ноябре, собрав 40-тысячную армию из европейских провинций, пришел на помощь осажденным. При его приближении венгры обратились в бегство и потерпели поражение от преследовавшего их врага.¹

Впрочем, следует отметить, что Критовул, не будучи в курсе дел Запада, не знает, видимо, о заключении союза Венгрии с Венецией против турок в сентябре 1463 г. в г. Петрарадине, благодаря которому венецианцы смогли напасть на Морею, а венгры на Боснию. Действительно, после подписания договора с венецианцами Матфей Корвин вторгся в Боснию и захватил в конце 1463 г. крепость Яйце и еще 30 крепостей, как он сам сообщает в письме к папе Пию II от 27 января 1464 г.² В результате захвата Яйце венгерскими войсками и превращения ее в пограничную крепость между Турцией и Венгрией, турецкое вторжение в Валахию было приостановлено еще на 60 лет.

Однако, несмотря на неточности и пробелы, рассказ Критовула в целом заслуживает доверия, а по стройности и красочности изложения значительно превосходит другие источники.

А л б а н и я

В третьей книге „Истории Мехмета II“ Критовул рассказывает о походе султана в Албанию в 1459 г. Как обычно, свой рассказ Критовул начинает с описания природы и населения Албании.

По Критовулу, албанцы, которых он называет античным именем „илирийцев“, — племена, живущие на побережье Ионийского залива, около древнего города Эпидамна. В древности их называли таулянтами и махаонами. Описание географического положения Албании и древнейшие названия племен, живших близ Ионийского залива, взяты Критовулом у Фукидида и Страбона и являются одной из античных реминисценций, столь обычных у византийских авторов.³ Повидимому, и характеристика албанцев как „варваров“, которые „в большинстве своем номады, самостоятельны и по большей части

¹ Katona, op. cit., v. I, 1, p. 728—733.

² Ibid., v. XIV, p. 667—672. Яйце Матфей Корвин берет после почти трехмесячной осады 16 декабря 1463 г., как сообщает он сам в письме к Пию II. В этом письме он пишет: „Таким образом, была возвращена в наши руки крепость и город Iaicza, а вскоре последовала сдача многих других крепостей; приблизительно около 30, и столько же сдались мне, и я имею твердую надежду на прочие, так как до этого времени ни одна крепость, даже маленькая, не смогла остаться в руках врагов“ (стр. 672).

³ Critobul, III, XVI, стр. 129; Thuk, I, 24, 1.

не имеют царей“, также взята Критовулом у Фукидида и Страбона. Фукидид называет иллирийские племена „варварами“ (βάρβαροι), „не имеющими царей“ (αβασιλευτοί). В тех же выражениях говорит о них и Критовул („οἱ δὲ βάρβαροι ὄντες... νομάδες οἱ πλείους αὐτῶν καὶ αὐτόνομοι καὶ ἀβασιλευτοὶ ἐκ πολλοῦ“).¹

Конечно, к албанцам XV в. невозможно было применить определение „варвары“ и „номады“, и влияние античного шаблона здесь очевидно, однако нам кажется, что нельзя совершенно игнорировать это место Критовула: оно все же показывает, что Албания XV в. — страна экономически да и политически менее развитая, чем, например, Сербия, Босния или Валахия, которым наш автор таких определений не дает. Дальнейшее изложение подтверждает это. Критовул рисует Албанию как горную страну, покрытую неприступными крепостями, с воинственным и свободолюбивым населением, не желающим платить дань турецкому султану и совершающим постоянные набеги на его земли. Во время похода в Албанию Мехмет II уничтожил жатву и захватил добычу, главным образом пленников и различный скот.² Особое значение имеет сообщение Критовула о том, что, покорив Албанию, султан обложил ее данью „в виде установленного числа мальчиков, стад скота (ведь они не имели денег) и определенного числа воинов в войско царя“ („ἢ μὴν δασμὸν τε ἐτήσιον ἀποφέρειν τῷ βασιλεῖ παῖδας τε ῥητούς καὶ βοσκημάτων ἀγέλας (οὐ γὰρ ἦσαν αὐτοῖς χρήματα) καὶ στρατιώτας ἐν ταῖς ἐκστρατείαις τοῦ βασιλέως...“).³

Это место представляет значительный интерес. Ведь дань всех других покоренных султаном народов (Сербия, Босния, Валахия, Пелопоннес, Трапезунт и др.) определялась в первую очередь в денежном эквиваленте. Правда, и другие народы платили „дань кровью“, т. е. поставляли солдат в войска султана и должны были отдавать мальчиков в янычары, но Албания платила не денежную дань, а „дань“ людьми. Возможно, что это указывает на значительно более низкий экономический уровень Албании, страны главным образом скотоводческой, на более слабое развитие там товарно-денежных отношений, чем в других государствах Балканского полуострова. Однако это, повидимому, относится главным образом к горной части Албании, так как Критовул говорит, что „на побережье Ионийского залива“ имелось много „укрепленных городков“ („...πολίματα ἐχυρὰ ἐν τῇ παραλίᾳ τοῦ Ἰονίου“).⁴

Сведения об албанцах, которые мы находим в пятой книге труда Критовула, в целом совпадают с приведенной выше характеристикой Албании, содержащейся в третьей книге. Автор различает горную часть страны, которую он рисует как совершенно неприступную и труднопроходимую, покрытую густыми лесами, перерезанную глубокими ущельями и скалами, и „нижнюю страну“, ⁵ которая представляет собой равнину, „годную для верховой езды“. Эта равнинная часть Албании — страна земледельческая и скотоводческая. Здесь Мехмет II сжигает посевы и уничтожает скот.⁶ В горах же албанцы имеют неприступные крепости, куда спасается при приближении врага

¹ Критовул, цит. соч., кн. III, гл. XVI, § 2, стр. 129.

² Там же, § 6, стр. 130.

³ Там же, § 7, стр. 130.

⁴ Там же, кн. VI, стр. 129.

⁵ Там же, кн. V, гл. XI, § 6, стр. 157.

⁶ Там же

все население равнин. В этих горах, по данным Критовула, Мехмет II захватил в плен около 20 тыс. мужчин, женщин и детей и большое количество скота.¹ Когда султан после неудачной осады Кройи решил построить рядом с ней турецкую крепость, то целью постройки было „ни в коем случае не позволять иллирийцам выходить из города и подниматься в горы, пасти скот, сеять или делать что-либо другое...“²

Такова характеристика, которую дает Критовул природным условиям, населению и хозяйству Албании.

Во всяком случае характеристика экономической жизни Албании у Критовула разительно отличается от описания хозяйства Сербии и Боснии, которые рисуются, как государства, достигшие значительно более высокого уровня экономического развития.

Некоторый свет проливает исторический труд Критовула и на политический строй Албании. Так, заслуживает внимания известие Критовула о том, что албанцы по большей части „не имеют царей“ (ἀβασιλευτοί). Необходимо, однако, учесть, что эта характеристика политического строя албанцев, возможно, заимствована нашим автором у Фукидида и является одной из античных реминисценций, которыми столь богато произведение Критовула. Вместе с тем утверждение Критовула о том, что албанцы „не имеют царей“, относится и самим автором к более раннему периоду истории Албании, чем описываемая им эпоха.

Критовул сообщает, что „... Незадолго же до настоящего времени они (албанцы. — Э. У.) поставили правителей из своего племени Арейна и Александра“ („Προστυτάμενοι δὲ πρὸ χρόνων ὀλίγων ἐκ τῆς σφετέρως γυνεῖας Ἀρειανὸν τινὰ καὶ Ἀλέξανδρον ἡγεμόνας“)³ и страна их от этого значительно усилилась.

Таким образом, к началу героической борьбы албанского народа против турецкого завоевания во главе албанцев стояли правители из „своего племени“, и один из них, Александр (Скандербег), сыграл выдающуюся роль в борьбе с турками, став впоследствии прославленным вождем албанского народа, наводившим страх на войска султана.

* * *

После небольшого экскурса о природных условиях и экономической жизни Албании Критовул переходит к описанию походов Мехмета II в эту страну. Рассказ Критовула о походах султана в Албанию ярко тенденциозен. Политические взгляды автора проявились здесь особенно выпукло. Красной нитью через все повествование Критовула проходит стремление скрыть поражение султана, умолчать о победах героического албанского народа и его мужественного вождя Скандербега.

Не раз Скандербег одерживал победы над турецкими войсками, превосходящими албанские войска численностью и вооружением. Долгое время свободолюбивый албанский народ не желал склонить голову перед ненавистными завоевателями. Стремление к независимости и самостоятельности албанцев вынужден признать даже сам автор „Истории Мехмета II“.⁴

¹ Там же, § 10, стр. 157.

² Там же, кн. V, гл. XII, § 3, стр. 158.

³ Там же, § 2, стр. 129. Александром называет Критовул Скандербега.

⁴ Там же, гл. XI, § 9, стр. 157.

Долгое время Скандербег был самым опасным противником султана. Возможно, именно поэтому Критовул, стремясь заслужить милость нового повелителя, так тщательно замалчивает победы албанского народа и его вождя Скандербега.

Первый поход Мехмета II в Албанию описан Критовулом весьма лаконично и в самых общих чертах. Привлекает внимание лишь один эпизод — борьба за горные проходы между албанцами и турецкими войсками под предводительством паша Махмуда.¹ В остальном описание похода довольно шаблонно и кончается восхвалением полной победы султана и картиной покорения Албании.

Основная мысль автора в рассказе о первом походе Мехмета II в Албанию — стремление показать, что турецкие войска не встретили там серьезного сопротивления. Симптоматично, что о Скандербеге в этом рассказе Критовул даже не упоминает. Виновниками войны Критовул рисует, конечно, албанцев.

О втором походе султана в Албанию летом 1466 г. повествует Критовул в пятой книге своего труда. Рассказ этот также весьма суммарен и тенденциозен. Так, например, он ничего не говорит о том, что Скандербег еще в начале 1463 г. возобновил борьбу с султаном, и посланное против него большое турецкое войско под предводительством Шеремет-бега потерпело сильное поражение близ Охриды. Умалчивает наш автор и о том, что в 1465 г. Скандербег одержал еще одну блестящую победу над турецким военачальником Баладан-Бедерой (Палапан у Критовула), который был разбит албанцами наголову. Та же участь постигла у г. Берат посланный на помощь Баладану большой турецкий отряд. После разгрома албанцами турецких войск Мехмет II летом 1466 г. решил вновь отправиться походом в Албанию. Критовул, умолчав о предшествующих поражениях турок, начинает свой рассказ непосредственно с описания похода самого султана.

Освещение этого похода у Критовула сходно с рассказом турецких историков, в частности Сеад-эд-Дина,² и расходится с изложением его у других авторов, например у византийского писателя Франдзи.³ По Критовулу, султан, разгневавшись на албанцев за неуплату дани и за то, что они „желают быть независимыми и совершенно свободными“, не подчинялись ему и даже совершали набеги на его земли, двинулся против них летом 1466 г. с большим войском, опустошил всю равнинную часть страны, а затем, овладев горными проходами, проник в горы, куда спрятались албанцы, и нанес им там поражение.

Однако Критовул вынужден признать, что албанский народ защищался с необычайным мужеством и стойкостью. Критовул рассказывает о беспримерном героизме албанских воинов. „Некоторые из них, побежденные солдатами (турецкими. — Э. У.), бросались сами на скалы и камни и гибли“.⁴

Расправа султана с побежденными была необычайно жестокой: мужчины были беспощадно перебиты, а женщины и дети уведены в рабство. Захватив огромную добычу, состоявшую из рабов (около 20 тыс. чел.) и скота, он спустился на равнину. Спаслись от зверств турок лишь немногие, которые спрятались в крепостях и в горах, вместе со своим „гегемоном“ Александром (Скандербегом).⁵

¹ Критовул, цит. соч., кн. III, гл. XVI, стр. 124 и сл.

² Сеад-эд-Дин, цит. соч., т. II, стр. 132.

³ Франдзи, цит. соч., стр. 425, 12.

⁴ Критовул, цит. соч., кн. V, гл. XI, § 9, стр. 157.

⁵ Там же

Критовул должен также признать, что попытка султана во время второго похода в Албанию овладеть неприступной албанской крепостью Кройя окончилась полной неудачей. Султан, поняв, что он не может взять крепость штурмом, приказал выстроить вблизи Кройи крепость и поместить туда большой гарнизон. Цель постройки этой крепости (Эльбассан) состояла в том, чтобы блокировать гарнизон Кройи и добиться ее подчинения султану.¹

Воздвигнув крепость, хорошо снарядив ее и поставив там сильный гарнизон с преданным военачальником,² султан, захватив огромную добычу, осенью 1466 г. вернулся в Константинополь.

Однако на следующий год Мехмет II вновь был вынужден отправиться походом в Албанию, так как был извещен о том, что „гегемон иллирийцев Александр заключил союз с паннонцами и, собрав своих сторонников, тайно из засады напал на ничего не подозревающего, оставленного там (в Албании) сатрапа царя по имени Палапана, окружившего и осаждавшего крепость Кройю“, разгромил его войска и убил самого сатрапа. Затем, снабдив провиантом Кройю и поставив там свой гарнизон и опустошив всю местность вокруг нее, отступил, „заперев в новой крепости воинов царя“.³

Султан, узнав об этом, „воспылал гневом“ и, двинувшись с большим войском в Албанию, разгромил войска повстанцев и многих убил. „Гегемон“ их Александр убежал в горы с остатками своего войска. Опустошив всю равнинную часть страны, султан послал своих солдат в горы. Те, „подобно птицам“, проникли во все самые неприступные места, в течение 15 дней опустошали и уничтожали все на своем пути и с огромной добычей вернулись к султану. Султан же подошел к Кройе и стал ее осаждать.⁴ Здесь Критовул прерывает рассказ и переходит к описанию страшной чумы 1467 г., свирепствовавшей в Константинополе. Лишь в самом конце своего труда он возвращается к осаде Кройи и сообщает, что султан летом 1467 г., потеряв надежду овладеть этой крепостью, снял осаду и, оставив войска под Кройей, вернулся в Константинополь, но по дороге, узнав, что в городе чума, повернул назад и ушел к Никополю, где и скрывался от чумы.⁵ На этом заканчивается рассказ Критовула о походах султана в Албанию и обрывается его труд, доведенный автором лишь до 1467 г.

Таковы данные Критовула о походах Мехмета II в Албанию. Туркофильская ориентация автора приводит к тому, что борьба албанского народа против иноземных завоевателей изображается им в крайне искаженном виде. Однако рассказ Критовула все же содержит ряд важных сведений о мужественном сопротивлении туркам со стороны албанского народа, тем более интересных, что они передаются ярким туркофилом, и если учесть крайнюю скудость данных источников по этому вопросу, то и труд Критовула должен быть использован при изучении этого героического периода истории Албании.

¹ Критовул, цит. соч., кн. V, гл. XII, § 1, 2, 3, 4, 5, 6, стр. 158.

² Палапан — Baladan-Badera — по национальности албанец, мальчиком был захвачен в плен турками и сделался одним из выдающихся полководцев султана.

³ Критовул, цит. соч., кн. V, гл. XVI, § 1 и 2, стр. 159. По сообщению Сеад-эд-Дина, причиной похода 1467 г. было то, что Скандербег отказался платить дань, опустошил область царя, осадил недавно построенную крепость Эльбассан и сжег ее предместья (т. II, стр. 240).

⁴ Критовул, цит. соч., кн. V, гл. XVI, § 4—5, стр. 160.

⁵ Там же, гл. XIX, § 1—3, стр. 161.

Значительную ценность имеют известия Критовула о борьбе с турками албанцев, живших на Пелопоннесском полуострове.¹ Он рисует их как воинственный и смелый народ, который в XV в. поднимал частые восстания против правителей Пелопоннеса, сперва против византийских деспотов Фомы и Деметрия Палеологов, а потом и против турецкого султана. Критовул сообщает, что албанцы являлись в Пелопоннесе той силой, которая наиболее активно боролась против турок и оказывала наиболее ожесточенное сопротивление во время турецкого завоевания полуострова.² Вместе с тем Критовул с большой неприязнью описывает восстания албанцев в Пелопоннесе. Он подчеркивает, что султан жестоко расправлялся с теми, кто оказывал ему сопротивление, а это „... в большинстве своем были иллирийцы (т. е. албанцы. — З. У.), которые вследствие своего упрямства, постоянных восстаний, воровства и разбоя привели к тому, что султан решил их утратить и навести на них ужас и трепет, чтобы они не оказывали никакого сопротивления и в будущем совсем не дерзали бы вести себя столь самоуверенно, полностью подчинились бы ему, стремясь к спасению“.³

Враждебное отношение Критовула к восстаниям албанцев объясняется, помимо присущей ему туркофильской тенденции, возможно, еще и тем, что эти восстания в Пелопоннесе принимали характер социального движения, направленного против византийских правителей. Критовул, выходец из феодальной знати, с ненавистью и страхом относится к народным движениям. Для него, как и для большинства других византийских авторов, народные восстания — это „бунт черни“, связанный с грабежом и разбоем, а участники народных восстаний — „разбойники“ и „грабители“. Такими „разбойниками“ являются для Критовула и албанцы.

Критовул сообщает, что за их постоянные восстания султан жестоко расправился с ними во время второго похода в Пелопоннес.⁴

Этим исчерпываются сведения об албанцах, содержащиеся в „Истории Мехмета II“. Анализ их показывает, что здесь, как и в других частях своего труда, Критовул весьма тенденциозен и не останавливается даже перед прямой фальсификацией фактов и искажением действительного хода событий. Вместе с тем характеристика экономики и политического строя Албании, скудные, но важные данные о борьбе албанского народа против турок заслуживают внимательного изучения.

В а л а х и я

В четвертой книге своего труда Критовул описывает экспедицию Мехмета II в Валахию в 1462 г. По словам Критовула, причиной этого похода была черная неблагодарность и измена „гегемона гетов Дракула“, как он называет воеводу Валахии Влада II или Владислава IV. Дракул вместе с его братом были изгнаны из своей страны Иоанном Гуниадом, который убил их отца; они бежали к отцу Мехмета II, султану Мурату, и были им радушно приняты и воспитаны в его дворце. После смерти отца сам Мехмет II продолжал им оказывать всяческие благодеяния, а потом вернул Дракулу его государство, посадив его вновь на престол. Однако Дракул, забыв оказанные ему милости и „показав

¹ К р и т о в у л, цит. соч., кн. III, гл. IV, гл. XXII.

² Там же, гл. XXII, § 4 и сл.

³ Там же, кн. III, гл. XXII, § 4.

⁴ Там же

себя злодеем“ по отношению к султану, восстал против Мехмета II, напал на земли султана, в частности вторгся в область Никополя и Видина¹ и, захватив большую добычу и совершив немало убийств, „возвратился к себе“.² После этого султан отправил послов, чтобы возобновить с ним договор, заключенный ранее, но правитель Валахии послов Мехмета II посадил на кол, даже не спросив, зачем они явились.³

Воспылав за это на Дракула „справедливым“ гневом, Мехмет II весной 1462 г. вторгся в Валахию,⁴ разгромил ее „подобно разлившемуся бурному потоку, увлекая все на своем пути“ („... καὶ χεῖρ ἄρρου δίχην ἐπερχόμενος τε καὶ παρασύρων πάντα τὰ ἐν ποσὶ...“),⁵ крепости покорил, деревни разграбил и захватил большую добычу.⁶ Дракул же тотчас обратился в бегство и спрятался в горах.⁷ Султан, захватив всю страну, назначил правителем Валахии (гегемоном гетов) брата воеводы Влада—Раду,⁸ который жил при дворе турецкого султана и теперь был привезен Мехметом II в Валахию. Дракул, „придя в полное отчаяние“, однажды ночью совершил „безумное“ нападение на лагерь турок. Однако царь был извещен о готовящемся нападении и, для виду уведя войска из лагеря и устроив засаду, нанес затем Дракулу страшное поражение. Сам воевода едва спасся с поля битвы и бежал в Венгрию, где был схвачен венграми и брошен в темницу.⁹ Оставив правителем Валахии Раду, султан с богатой добычей, состоявшей из рабов и скота, летом вернулся в Адрианополь.¹⁰

Об экспедиции Мехмета II в Валахию более подробно и точно рассказывает Халкокондил,¹¹ в немногих словах о ней вспоминает Франдзи,¹² о ней есть сведения и у Дуки¹³ и Сеад-эд-Дина.¹⁴ Рассказ Критовула в общем совпадает с данными этих источников. Из них в добавление к Критовулу мы можем почерпнуть лишь некоторые детали. Так, Дука подробно рассказывает о посольстве султана к воеводе Валахии.¹⁵ Кроме того, Дука и Халкокондил сообщают численность армии султана. По Дуке, она исчислялась в 150 тыс.,¹⁶ по Халкокондилу — 250 тыс. чел.¹⁷ Халкокондил и Дука подробно говорят о ночном нападении Дракула на лагерь турок.¹⁸ Однако Дука исход этого ночного нападения воеводы валахов рисует совсем иначе, чем Критовул. Он говорит, что, напав ночью на турок, валахи нанесли им такое сильное поражение, что султан принужден был перейти Дунай и отступить в Адрианополь.¹⁹

¹ К р и т о в у л, цит. соч., кн. IV, гл. X, § 4, стр. 143.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, § 6.

⁶ Там же.

⁷ Там же, § 7.

⁸ Там же, § 7. Критовул называет его Радоном. Речь идет о Раде III Красивом (1462—1474).

⁹ Там же, § 9, стр. 144.

¹⁰ Там же, § 10, стр. 144.

¹¹ Х а л к о к о н д и л, цит. соч., стр. 499—518.

¹² Ф р а н д з и, цит. соч., стр. 414.

¹³ Д у к а, цит. соч., стр. 343—345.

¹⁴ С е а д - э д - Д и н, цит. соч., т. II, стр. 269—275.

¹⁵ Д у к а, цит. соч., стр. 344.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Х а л к о к о н д и л, цит. соч., стр. 505.

¹⁸ Там же, стр. 511.

¹⁹ Д у к а, цит. соч., стр. 345.

Можно было бы предположить, что здесь Критовул, по своему обыкновению, вновь умалчивает о поражении султана, однако другие источники, в частности Халкокондил, так же как и турецкие писатели, говорят о победе султана над воеводой Владиславом IV, и здесь в тенденциозности и искажении фактов скорее можно заподозрить Дуку, враждебного туркам, чем Критовула.

В целом рассказ Критовула о походе Мехмета II в Валахию хотя и отличается краткостью, но достаточно точен и представляет известный интерес.

Изучение „Истории Мехмета II“ Критовула позволяет прийти к следующим выводам.

Прежде всего „История Мехмета II“ является источником, мало известным в научной литературе. Между тем произведение Критовула — ценный источник не только по истории поздней Византии, но и по истории южных славян и других народов Балканского полуострова XV в. В дополнение к данным византийских, южнославянских, итальянских, венгерских, турецких и других источников он дает много важных сведений об экономике Сербии, Боснии, Валахии, Албании, о политической истории южных славян, о ходе турецкого завоевания Балканского полуострова (осада Белграда, походы Мехмета II в Боснию, Албанию, Валахию, окончательное покорение Сербии и т. д.), о сопротивлении, которое оказали туркам славянские государства.

По данным „Истории Мехмета II“, в XV в. большинство государств Балканского полуострова, особенно южнославянское Сербское государство — страны с высоким уровнем экономического развития. Так, Сербия — не только богатая аграрная страна, но и страна, где интенсивно развивается городская жизнь, государство, которое славится своими горными промыслами, особенно добычей золота и серебра. Высоким уровнем экономического развития отличаются, по данным Критовула, и другие государства Балканского полуострова, за исключением горной части Албании, которая рисуется как страна главным образом скотоводческая. Однако в прибрежных областях Албании, согласно известиям Критовула, также было много городов, развивавших экономические связи с другими странами.

Туркофильская тенденция Критовула, в целом наложившая отрицательный отпечаток на все произведение византийского историка и приводящая часто к искажению им исторической действительности, в описании экономической жизни стран Балканского полуострова сыграла известную положительную роль.

Стремление ярче оттенить „блеск“ побед султана заставляет нашего автора более подробно описывать завоеванные Мехметом II страны, их богатства. Отчасти благодаря этому труд Критовула содержит такие ценные сведения по экономике стран Балканского полуострова, каких мы не находим в произведениях других современных ему авторов.

Данные Критовула о высоком развитии экономики южнославянских и других государств Балканского полуострова имеют большую научную ценность и способствуют разоблачению антинаучных построений буржуазной историографии, безуспешно пытающейся доказать низкий уровень экономического развития южнославянских и других государств Восточной Европы.

Вместе с тем политическая тенденция Кривовула весьма отрицательно сказалась на освещении им борьбы народов Балканского полуострова против турок. Туркофильские настроения автора приводят здесь к прямому искажению фактов, к преуменьшению масштабов сопротивления народов Восточной Европы турецкому завоеванию, к замалчиванию побед славян, венгров, албанцев и других народов над войсками турецкого султана. Однако те немногочисленные данные, которые содержатся в произведении Кривовула о героической борьбе славянских народов против турок, приобретают особую ценность, вследствие того, что о фактах мужественного сопротивления народов Балканского полуострова турецкому завоеванию не может умолчать даже такой туркофильски настроенный писатель, как Кривовул, и притом в труде, посвященном турецкому султану-завоевателю.
